

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВОВЗНАНИЯ
ДОМ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ИМЕНИ А. СОЛЖЕНИЦЫНА
РУССКИЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

Материалы Международной научной конференции,
посвященной столетию со дня рождения А.И. Солженицына
Москва, 15–17 марта 2017 года

Москва 2018

УДК 82.0
ББК 83.3(2Рос)6
Л-66

Печатается по решению Ученого совета
Государственного института искусствознания

Рецензенты:

В.П. Лукин, доктор исторических наук, профессор;
Е.В. Дуков, доктор философских наук, профессор;
О.В. СТРОЕВА, кандидат философских наук, доцент

Составитель: Л.И. САРАСКИНА

В оформлении обложки использован рисунок Валерия Котова
Иллюстрации предоставлены авторами статей

Личность и творчество А.И. Солженицына в современном искусстве и литературе: Материалы Международной научной конференции, посвященной столетию со дня рождения А.И. Солженицына. Москва, 15–17 марта 2017 г. / Гос. институт искусствознания ; Дом русского зарубежья им. А. Солженицына ; Русский благотворительный фонд Александра Солженицына ; ред.-сост. Л.И. Сараскина. — М. : Государственный институт искусствознания ; Русский путь, 2018. — 408 с. : ил.

ISBN 978-5-98287-131-2 (Государственный институт искусствознания)

ISBN 978-5-85887-500-0 (Русский путь)

В сборник вошли материалы Международной научной конференции «Личность и творчество А.И. Солженицына в современном искусстве и литературе», прошедшей 15–17 марта 2017 года в Доме русского зарубежья и Государственном институте искусствознания.

Первый раздел посвящен выступлениям деятелей театра, кино, телевидения, музыки, литературы, книжного и музейного дела, которые рассказывали о театральных постановках, фильмах, музыкальных и литературных произведениях, выставках, связанных с жизнью и творчеством Солженицына. Следующие разделы содержат доклады филологов, философов, историков, искусствоведов, культурологов, педагогов и переводчиков книг о Солженицыне на иностранные языки из Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, а также исследователей из США, Великобритании, Франции, Швейцарии, Италии, Польши, Китая. Издание сопровождается иллюстрациями и адресовано широкому кругу читателей, интересующихся творчеством А.И. Солженицына и историей русской литературы XX века.

ISBN 978-5-98287-131-2
(Государственный институт искусствознания)
ISBN 978-5-85887-500-0
(Русский путь)

© Коллектив авторов, текст, 2018
© Л.И. Сараскина, составление, 2018
© Государственный институт искусствознания, 2018
© ЗАО «Издательство “Русский путь”», 2018
© И.Б. Трофимов, оформление, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	9
ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ	
Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына 15 марта 2017	
Выступления:	
<i>Н.В. Сиповская</i>	11
<i>В.А. Москвин</i>	12
<i>Н.Д. Солженицына</i>	13
I. МАСТЕРА ИСКУССТВ:	
театр, кино, книжный дизайн, литература	
<i>Б.Н. Любимов</i> ТЕАТР И ТЕАТРАЛЬНОСТЬ В БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА	18
<i>Г.Г. Исаакян</i> ОПЕРА «ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА» – ОПЫТ ПЕРЕЖИВАНИЯ ИСТОРИИ В ПРОЕКТАХ ПЕРМСКОГО ОПЕРНОГО ТЕАТРА	24
<i>В.В. Иванов</i> О ПОСТАНОВКЕ СПЕКТАКЛЯ «МАТРЕНИН ДВОР» В ТЕАТРЕ ИМ. ЕВГ. ВАХТАНГОВА	28
<i>С.В. Мирошниченко</i> ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА	37
<i>А.Г. Денисов</i> О СОЗДАНИИ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФИЛЬМА «ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА». 50 ЛЕТ СПУСТЯ»	42
<i>Е.А. Корнеев</i> ОБЛИК КНИГИ «АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН. ИЗ-ПОД ГЛЫБ»	48

<i>А.А. Кабаков</i> АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН И ВАСИЛИЙ АКСЕНОВ – ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ РУССКОЙ СВОБОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА	51
<i>Е.А. Попов</i> ВЕСЕЛЫЙ СОЛЖЕНИЦЫН: О СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЕ ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ	56
<i>Р. Темпест</i> ТАЙНЫЕ ЯЗЫКИ ИСКУССТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА	62
<i>Г. Пшебинда</i> АЛЕКСАНДР ВАТ О СОЛЖЕНИЦЫНЕ, НАЦИЗМЕ И КОММУНИЗМЕ	76

II. МУЗЕЙНО-ВЫСТАВОЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО

<i>Г.А. Тюрин</i> ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ	94
<i>Н.Т. Ашимбаева</i> ВЫСТАВКА «ДОСТОЕВСКИЙ И СОЛЖЕНИЦЫН. СКРЕЩЕНИЯ СУДЕБ И ТВОРЧЕСТВА» МУЗЕЙ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В ПЕТЕРБУРГЕ. 6 ОКТЯБРЯ – 25 НОЯБРЯ 2014	100
<i>Е.Ю. Колбановская</i> А.И. СОЛЖЕНИЦЫН В МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ И ЗАРУБЕЖЬЯ	115
<i>Д.В. Топилина</i> ВЫСТАВКА «СОЛЖЕНИЦЫН-ФОТОГРАФ» ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВОВЗНАНИЯ. 16 МАРТА 2017	128

III. В ПРОСТРАНСТВЕ НАУКИ

<i>Н.А. Хренов</i> ИМПЕРСКИЙ КОМПЛЕКС РОССИИ И ЕГО КРИТИКИ: А.И. СОЛЖЕНИЦЫН	134
<i>Ю.Н. Гирин</i> К ТИПОЛОГИИ РЕПРЕССИВНЫХ КУЛЬТУР	160
<i>А. Дель Аста</i> МОНТАЖ И ПОЛИФОНΙΑ В ТВОРЧЕСТВЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА	166
<i>А.С. Вартанов</i> НЕЗАВЕРШЕННЫЙ ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ ЦИКЛ НА ПЕРВОМ КАНАЛЕ	171

<i>М.М. Голубков</i> АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН И АНДРЕЙ ТАРКОВСКИЙ: К ИСТОРИИ ВЗАИМНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ	197
<i>Е.В. Сальникова</i> ОБРАЗНАЯ СПЕЦИФИКА ТЕЛЕСЕРИАЛА «В КРУГЕ ПЕРВОМ»	207
<i>Л.И. Сараскина</i> ЗАДАЧА И СВЕРХЗАДАЧА ЭКРАНИЗАЦИИ ПО РОМАНУ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «В КРУГЕ ПЕРВОМ»	222
<i>Е.В. Жуйкова</i> ПРОБЛЕМА ТОЧКИ ЗРЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ И КИНО (РОМАН «В КРУГЕ ПЕРВОМ» И ЕГО ЭКРАНИЗАЦИЯ)	243
<i>В.А. Котельников</i> ВИЗУАЛЬНОСТЬ В ТЕКСТАХ СОЛЖЕНИЦЫНА	249
<i>И.Ю. Кудинова</i> ВИЗУАЛЬНЫЕ КОДЫ В ПОВЕСТИ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «РАКОВЫЙ КОРПУС»	256
<i>М. Николсон</i> ПОЛОТНА ХУДОЖНИКА КОНДРАШЁВА-ИВАНОВА И ЭВОЛЮЦИЯ СОЛЖЕНИЦЫНСКОЙ ПРОЗЫ КОНЦА 1950-х ГОДОВ	263
<i>И.В. Дорожинская</i> АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН: ТЕАТРАЛЬНЫЕ НЕВСТРЕЧИ. 1960-е	271
<i>О.Н. Мальцева</i> О ТЕАТРАЛЬНОМ ПРЕТВОРЕНИИ РОМАНА А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «В КРУГЕ ПЕРВОМ» (СПЕКТАКЛЬ Ю.П. ЛЮБИМОВА «ШАРАШКА»)	281
<i>Е.С. Абелюк</i> РОМАН А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «В КРУГЕ ПЕРВОМ» В СПЕКТАКЛЕ Ю.П. ЛЮБИМОВА «ШАРАШКА»	296
<i>Г.А. Тюрина</i> СОЛЖЕНИЦЫН В МУЗЫКЕ	306
<i>Ж. Нива</i> ОПЕРА ЖИЛЬБЕРА АМИ «В КРУГЕ ПЕРВОМ»	312
<i>Е.М. Петрушанская</i> «ЗВУКОВАЯ РАЗВЕДКА» А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА: О СМЫСЛОВЫХ ОБЕРТОНАХ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТКАНИ ОПЕРЫ А.В. ЧАЙКОВСКОГО «ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА» И НА ПРИМЕРЕ ТЕМЫ РАДИО У ПИСАТЕЛЯ	316

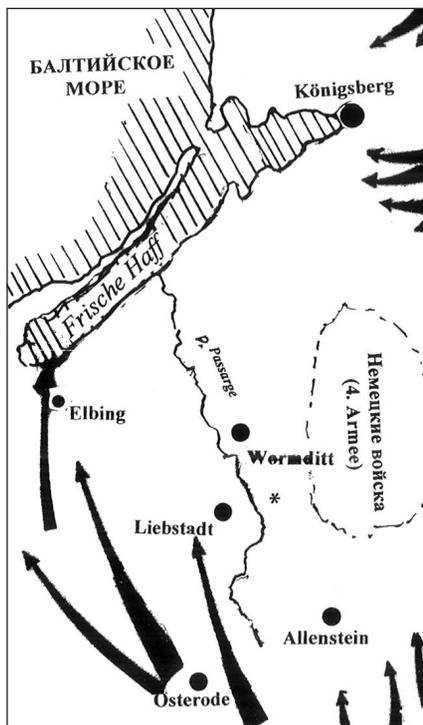
<i>Жень Гуансюань</i> ВЛИЯНИЕ РАССКАЗА А. СОЛЖЕНИЦЫНА «ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА» НА ТЮРЕМНУЮ ТЕМУ В СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ПРОЗЕ	332
<i>П.Е. Спиваковский</i> АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН И ВЛАДИМИР СОРОКИН	338
<i>А.Е. Климов</i> «НЕЗАБЫВАЕМАЯ НОЧЬ» (О ПОВЕСТИ «АДЛИГ ШВЕНКИТТЕН»)	348
<i>Г.В. Кузовкин, Ин.А. Мартынов</i> ИКОНОГРАФИЯ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА ПО МАТЕРИАЛАМ «ХРОНИКИ ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ»	359
<i>Н.М. Щедрина</i> ПОРТРЕТ ЛЕНИНА КАК ИСТОРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В РОМАНЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «КРАСНОЕ КОЛЕСО»	384
<i>Г.М. Алтынбаева</i> А.И. СОЛЖЕНИЦЫН В САРАТОВСКОМ КРАЕ	395
ОБ АВТОРАХ	405

Климов Алексей Евгеньевич — профессор, специалист по русской литературе, председатель Русской академической группы в США

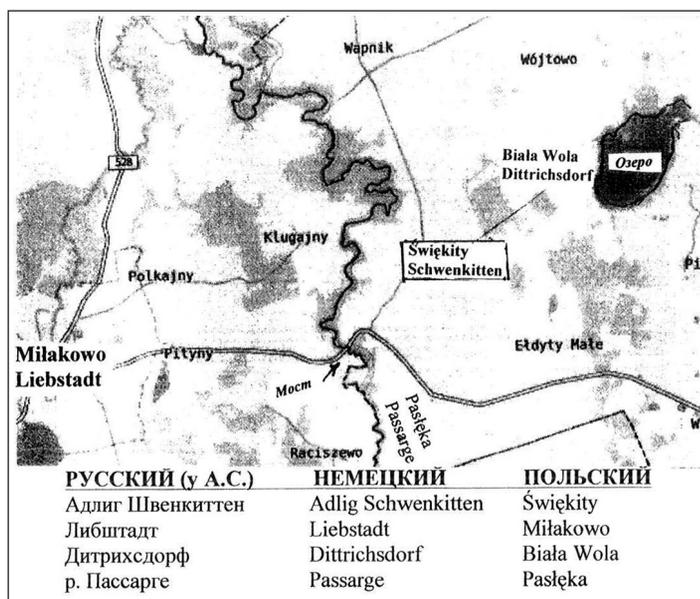
А.Е. Климов

«НЕЗАБЫВАЕМАЯ НОЧЬ»
(О ПОВЕСТИ «АДЛИГ ШВЕНКИТТЕН»)

Следуя примеру А.И. Солженицына, начавшего изложение повести с заметки о военной обстановке того времени, ниже прилагаем две карты для уяснения географического контекста.

Стрелками указаны направления наступительных операций Советской Армии в центральной части Восточной Пруссии в январе 1945 года. На западе этого района части Второго Белорусского фронта двигались на север и танковый корпус достиг залива *Frische Haff*, далеко опередив пехотные подразделения. С севера наступали части Балтийского фронта, а с юго-востока подходили силы Третьего Белорусского фронта. Таким образом, в центре Восточной Пруссии попали в окружение крупные силы 4-й немецкой армии. В ночь с 26 на 27 января немцы попытались прорвать еще не установившийся западный фронт, чтобы пробиться в Германию. Знаком * отмечено приблизительное место деревни Адлиг Швенкиттен.

Современная польская карта показывает расположение деревни Швенкити (*Świątki*), ранее называвшейся *Adlig Schwenkitten*. На послевоенной Потсдамской конференции – июль–август 1945 года – союзники-победители по настоянию Сталина разделили территорию Восточной Пруссии между Польшей и СССР. Немецкое население было выслано, и все немецкие названия городов, деревень, рек, озер и заливов были заменены польскими или русскими топонимами. Две рядом лежащие деревни – *Adlig Schwenkitten* и *Klein Schwenkitten* – были объединены новыми польскими властями в *Świątki*. Пушки были установлены на восточной окраине деревни. На карте обозначен мост через реку Пассарге, у которого происходили значительные боевые действия.

Односуточная повесть «Адлиг Швенкиттен» была написана в 1998 году¹. Она основана на реальном военном столкновении в ходе Великой Отечественной войны, в которой Александр Солженицын принимал участие в качестве командира звуковой разведки при артиллерийском дивизионе. Но еще задолго до написания односуточной повести, столкновение это получило отклик в двух более ранних произведениях писателя. Первым из них был небольшой абзац в «Архипелаге ГУЛАГе», в главе, посвященной потокам послевоенных арестантов, в том числе и бывших власовцев². (А.И. Солженицын поначалу считал, что артиллерийский дивизион, в котором он служил, подвергся нападению власовского контингента

¹ Первая публикация – в «Новом мире» (1999. № 3. С. 30–53). Входит в Собрание сочинений Александра Солженицына в 30 т. (М.: Время, 2006. Т. 1: Рассказы и Крохотки. С. 487–528).

² «Та весна» – ч. I, гл. 6 «Архипелага ГУЛАГа».

немецкой армии, но в дальнейшем это предположение не подтвердилось.) Несколько лет спустя появилось сильно расширенное описание этого эпизода в отдельно изданной главе под названием «Сквозь чад». Глава эта была гневным ответом Солженицына на книгу чешского журналиста Томаша Ржезача, написанную – с активнейшей помощью КГБ – с целью опорочить всю жизнь писателя, в том числе и его военную службу¹. Ответный текст Солженицына содержит несколько страниц, посвященных событиям у деревни Адлиг Швенкиттен. Текст с первых же строк свидетельствует о ярком следе, оставленном этим эпизодом в памяти писателя. Цитирую: «А ночь была – незабываемая, она и сейчас стоит, как живая. И сколько раз я порывался её описать: сперва, ещё в лагере, в стихах, четырёхстопным хореем, продолжением “Прусских ночей”, и уже написал кое-что, но затем потерял, и из памяти стёрлось. И потом – в ссылке начинал, в прозе, но другие сюжеты выдвигались важнее, так никогда и не собрался»².

Как любезно сообщила мне Наталия Дмитриевна Солженицына, вскоре после возвращения писателя с семьей в Россию их навещил Олег Николаевич Гусев, бывший в описанное в повести время командиром огневого взвода в том же дивизионе, в котором капитан Солженицын возглавлял звуковую разведку. Как оказалось, Гусеву в послевоенные годы удалось собрать огромное количество детальных материалов о боевом пути своего дивизиона. Эта встреча и дальнейшая переписка между Гусевым и Солженицыным послужили тому, что писатель получил возможность изучить приказы, карты и другие документы, относящиеся к развитию событий. И эти новые сведения вошли в структуру повести «Адлиг Швенкиттен».

А глава «Сквозь чад» с текстом воспоминаний Солженицына об этом военном столкновении вошла в корпус так называемых «очерков изгнания», названных писателем «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов», и была опубликована во втором номере «Нового мира» за 1999 год³, то есть непосредственно перед публикацией односуточной повести «Адлиг Швенкиттен», появившейся в следующем – третьем – номере журнала.

¹ См.: Солженицын А.И. Сквозь чад: Отрывок из Шестого Дополнения к мемуарам «Бодался телёнок с дубом». Париж: YMCA-Press, 1979. О событии около деревни Адлиг Швенкиттен см.с. 35–39. Книга Ржезача «Спираль измены Солженицына» была издана в Москве в 1978 году издательством «Прогресс». КГБ оказывал Ржезачу активнейшую помощь, рассматривая составление этого текста как мероприятие «по дальнейшей дискредитации Солженицына перед мировой и советской общественностью». См.: Кремлевский самосуд: Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне / [сост. А.В. Коротков, С.А. Мельчин, А.С. Степанов]. М.: Родина, 1994. С. 556. (Б-ка ж-ла «Источник»). В этом сборнике документы №№ 169, 172, 173, 175 и 176 освещают заботы Политбюро об издании и распространении книги Ржезача.

² Солженицын А.И. Сквозь чад. С. 35.

³ Он же. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов // Новый мир. М., 1999. № 2. С. 107–134. Воспоминания о январской ночи у деревни Адлиг Швенкиттен на с. 122–124.

Повесть «Адлиг Швенкиттен» – самый поздний пример солженицынской художественной прозы, посвященной теме советско-германской войны. Ввиду того, что число прозаических произведений с такой тематикой у Солженицына ограничено, и того, что главные из них имеют автобиографическую основу, можно отметить сдвиги в изображении автобиографического героя, которые произошли со временем.

Самое раннее из дошедших до нас сочинений Солженицына на военную тему – неоконченная повесть «Люби революцию». Как объяснил сам автор в письме к М.Г. Петровой, он в 1948 году в шарашке Марфино начал писать то, что должно было стать «обширной повестью» о боевом опыте специализированной артиллерийской части, в которой он командовал звуковой разведкой. Задуманное заглавие повести было «История одного дивизиона», но работа над сочинением была прервана высылкой писателя из шарашки и его заключением в экибастузский лагерь. Чудом сохранившийся текст¹ в несколько переработанном, но так и не законченном виде получил ироническое заглавие «Люби революцию», взятое писателем от одного из своих ранних неосуществленных проектов². В имеющемся виде повесть является лишь предысторией будущей военной деятельности, так как описываются только неустанные усилия наивно-убежденного последователя Маркса и Ленина зачислиться в артиллерию. Повествование обрывается на подступе к этой цели, еще далеко отстоящей от участия в реальной будущей работе разведдивизиона.

Ввиду сказанного позволительно рассматривать написанный на полвека позже двучастный рассказ «Желябугские Выселки» как своего рода отклик на старый замысел, как возврат к недописанному ранее проекту. Во всяком случае это относится к внешней, описательной стороне первой половины двучастного рассказа, где с огромным количеством подробностей представлен рабочий день дивизиона – его боевые будни, так сказать. Дается детальное описание технической стороны звуковой разведки и названы по фамилиям более сорока солдат и офицеров, так или иначе участвовавших в деятельности этого военного подразделения³.

Идеологические взгляды автобиографического героя показаны лишь вскользь в первой части рассказа. Действие датировано июлем 1943 года, а это – если оставаться в последовательно автобиографическом русле – предшествует аресту Солженицына и той радикальной смене убеждений,

¹ Подробно об этом см.: Жидкова Т.А. «Моя мама, Анна Васильевна Исаева...» // Солженицынские тетради: материалы и исследования. М.: Русский путь, 2014. Вып. 3. С. 171–173.

² Солженицын А.И. Ответы на вопросы М.Г. Петровой. 24 декабря 2004 г. // Солженицын А.И. В круге первом: Роман / изд. подгот. М.Г. Петрова. М.: Наука, 2006. С. 625. (Литературные памятники).

³ Напрашивается аналогия с «Одним днем Ивана Денисовича». Как пояснил писатель в разговоре об этом произведении, он хотел при помощи детального описания лишь одного дня передать всю атмосферу лагерной жизни. См.: Солженицын А.И. Радиоинтервью к 20-летию выхода «Одного дня Ивана Денисовича» для Би-би-си // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верх. Волга, 1997. Т. 3. С. 21.

произошедшей в его сознании в экибастузском лагере. Именно лагерный опыт 1950–1953 годов убедил его в пагубной сущности строя и вредности идеологии, оправдывающей этот строй, и привел его к жгуче-горькому чувству вины за годы своего вполне искреннего исповедания революционных идей. Все читатели «Архипелага ГУЛАГа» помнят жесткую, даже жестокую самокритику, разлитую на страницах этой великой книги. Осуждение своих прежних взглядов и непростительных поступков, оправдываемых ложным мировоззрением, доводит автора до мысли, что он *заслужил* и лагерь, и раковую болезнь¹. Но в разительный контраст к этому автобиографический герой первой части рассказа «Желябугские Выселки» представлен как выразитель лишь весьма ограниченных идеологических речений². Более того, прямое осуждение прошлых увлечений героя звучит только один раз – во второй половине двучастного рассказа, причем оно произнесено полшутливым тоном самим автором в дружеском разговоре: «А какой же я дурак был, Витя. Помнишь – про мировую революцию?»³

Сравнение с повестью «Люби революцию» (1948) тут показательно. Повесть эта сочинялась в шарашке, когда идеологические верования юного Солженицына были поколеблены арестом и спорами с другими арестантами, но еще не свергнуты окончательно. И в соответствии с этим Глеб Нержин, главный герой повести «Люби революцию», показан как наивный, но все же достойный носитель того мировоззрения, от которого писатель всеми силами открещивался в послелагерные годы. Поэтому совсем не удивительно, что попытки Солженицына вернуться к работе над неоконченной повестью после своего освобождения не дали результата. Как сообщила М.Г. Петрова, в одной из промежуточных редакций повести «Люби революцию», относящихся к этому времени, Солженицын называет Нержина «чудовищем»⁴.

Ясно, что отношение писателя к своему прошлому менялось со временем. Как сам Солженицын отмечает в несколько ином контексте, с годами его «лагерный накал» был утерян⁵, – а вместе с ним, надо думать,

¹ «На седьмом году заключения я довольно перебрал свою жизнь и понял, за что мне всё: и тюрьма, и довеском – злокачественная опухоль. Я б не роптал, если б и эта кара не была сочтена достаточной» (*Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956: Опыт художественного исследования: в 3 т. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. Т. 2. С. 498 (ч. IV, гл. 1).

² К примеру, его излияния о вероятном свершении ленинских предсказаний поданы с значительно смягчающими это высказывание тремя вопросительными знаками: «Вот рванём ещё, рванём – и какая ж пружина отдаст в Европе, сжатая, а? После такой войны не может не быть революции, а?.. это прямо из Ленина. И война так называемая отечественная – да превратится в войну революционную?» (*Солженицын А.И.* Желябугские Выселки // Собр. соч.: в 30 т. Т. 1. С. 454).

³ Там же. С. 479.

⁴ См.: *Петрова М.Г.* Судьба автора и судьба романа // *Солженицын А.И.* В круге первом. С. 642.

⁵ *Солженицын А.И.* Угодило зёрнышко промеж двух жерновов: Очерки изгнания. Часть третья (1982–1987) // *Новый мир.* М., 2001. № 4. С. 126.

и жесткая безапелляционность морального самообличения. И именно по этой причине автобиографическому герою делаются лишь мягкие упреки за идеологические взгляды в первой части рассказа «Желябугские Выселки».

Можно сказать, следовательно, что в рассказе «Желябугские Выселки» происходит своего рода реабилитация юного Солженицына после суровой самокритики, характерной для «Архипелага...»¹. А рассказ «Желябугские Выселки» написан в том же 1998 году, что и «Адлиг Швенкиттен», и опубликован в том же третьем номере «Нового мира» за 1999 год, в котором напечатана односуточная повесть. Эти два произведения, близко связанные между собой по теме, равны также и в оценке прошлого. Можно назвать эти два произведения *дилогией*, как предлагает Игорь Савельев², учитывая, однако, что некоторая степень родства с этими текстами имеется и у других произведений, в первую очередь у неоконченной повести «Люби революцию» и у воспоминаний писателя в главе «Сквозь чад».

Отмеченная эволюция в оценке идеологических воззрений все же получает некоторое дальнейшее развитие в повести «Адлиг Швенкиттен». Если в двучастном рассказе автобиографический герой пусть мягко, но все же критикуется за свои взгляды, то в односуточной повести положительно представленные персонажи (за одним исключением³) вообще не высказывают мыслей, имеющих идеологическую окраску. Идеология в этой повести – атрибут отрицательных фигур вроде парторга Губайдулина (гл. 2)⁴.

И в отличие от рассказа «Желябугские Выселки», в повести «Адлиг Швенкиттен» повествование ведется от третьего лица. Нет, следовательно, никакого лично обозначенного повествовательного голоса. Мысли и точки зрения положительных персонажей излагаются в кратких главках, составляющих повесть, и взгляды их во многом разнятся, но не противопоставляются, так как эти персонажи не оспаривают того главного, что их объединяет. Отрицательные же персонажи остаются совершенно чуждым групповой солидарности Боева, Балуева, Топлева, Кандалинцева и ряда других, объединенных общим понятием чести и бессловесным согласием в необходимости вести общую борьбу до победного конца. Характерно, что местоимение «мы» играет ведущую роль уже на первой странице повести:

- наш передовой танковый корпус;
- прошли ж те времена, когда мы отступали;
- уже пять дней нашего движения;
- нам открылась цельная, изобильная страна.

¹ Это тема развита в моей статье «Заметки о двучастном рассказе “Желябугские Выселки”» // Малые жанровые формы в творчестве А. Солженицына: Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст: Междунар. сб. науч. тр. Благовещенск: Изд-во Благовещенского гос. пед. ун-та, 2011. С. 3–10.

² См.: Савельев И.В. «Это проза – живой организм» // Новый мир. М., 2008. № 12. С. 172.

³ Гусев высказывает наивно-радужную надежду на благоустройство страны после войны (гл. 7).

⁴ Главки в повести настолько краткие, что отсылки на них более удобны, чем на страницы.

Впрочем, тут полезно подчеркнуть различие между этой солидарностью и тем идеалом «слияния с массой», который в свое время проповедовался в советских классиках типа романа «Цемент» (1924). Там требовался радикальный отказ от всех своих личных человеческих интересов ради полного слияния с социалистической утопией. А здесь картина иная: каждый из положительных персонажей повести имеет свою историю, свои слабости и свои индивидуальные мечты о будущем; в этом плане единства нет и оно просто не требуется. Их объединяет согласие о том, что они считают главным.

И хотя в рассказе «Желябугские Выселки» звучат некоторые схожие ноты, голос повествователя там преобладает, естественным образом выделяя личность говорящего. К примеру, повествователь как бы присматривается к окружающим и считает нужным произвести им оценку со своей личной точки зрения, тем самым утверждая свое «я»: «Бывал я в компаниях поразвитей – а чище сердцем не бывало. Хорошо мне с ними»¹.

А в односуточной повести человек, бывший автобиографическим повествователем в рассказе «Желябугские Выселки», теперь назван лишь «комдивом инструментальной разведки» (гл. 3) и полностью слился с боевой группой, совершенно не выделяясь на ее фоне.

Остановимся на некоторых особенностях построения односуточной повести. Благодаря тому, что Солженицын ранее описал свои впечатления о событиях близ деревни Адлиг Швенкиттен в главе «Сквозь чад», создалась достаточно уникальная ситуация: один и тот же основной сюжет представлен в двух жанровых вариантах – в документальной прозе и в виде художественного произведения. А это дает возможность отметить некоторые аспекты повести, введенные писателем по сугубо литературно-эстетическим соображениям.

Затрону только самые главные и бесспорные примеры художественного замысла.

Первое, что бросается в глаза – разбивка текста на 24 краткие главки с добавлением эпилога. Напрашивается естественная связь подзаголовка «односуточная повесть» с двадцатью четырьмя часами суток. И действительно, основное повествование укладывается в период от утреннего сведения об отравлении нескольких человек метиловым спиртом до появления начальства на следующее утро. Однако не следует думать, что каждая из этих двадцати четырех главок соответствует прохождению одного часа времени. К примеру, хотя начало действия в первой главке происходит ранним утром, уже в третьей главке отмечено, что становится сумрачно и называется время: шесть часов вечера. А в двадцать третьей главке мы узнаем, что события, описанные в этом отрезке текста, длились три часа: «Не поверил Олег: глянувши на часы: куда три часа ушло? Как они сжались, проскочили? Будто канули в бою».

Иными словами, внутри общей односуточной рамки течение времени воспринимается субъективно – оно растягивается или сжимается

¹ Солженицын А. Желябугские Выселки. С. 471.

в сознании действующих лиц. Поэтому отдельные главы вовсе не привязаны к точному отсчету времени. Большая часть из них – 19 из 24-х – относится к ночи или, правильнее сказать, к 15-ти часам отсутствия дневного света – от шести часов вечера до девяти часов утра следующего дня¹. Кроме того, ряд глав отдан биографическим характеристикам определенных лиц – Боева, Балуева, Кандалинцева и других – и они почти не привязаны к конкретным событиям той ночи.

Второе художественно значимое добавление к сюжету касается создания атмосферы все возрастающей тревожной напряженности. Писатель достигает этого эффекта многократным подчеркиванием трех аспектов обстановки. Самым значительным из них является мертвая, зловещая тишина окружающей местности. Хотя командование дивизиона знает, что где-то к востоку от них, в этом как будто замершем, на вид совершенно пустом пространстве находятся отрезанные от Германии немецкие войска, но где находится передний край противника – никто сказать не может. Неустанное напоминание о полной гробовой тишине одновременно с памятью об этой реальной опасности наращивает чувства неуверенности и тревоги. Растет подозрение, а вскоре и жуткая уверенность, что за тишиной скрывается беззвучное приближение врага. Обстановка нагнетается появлением перебежчика со сведением о готовящемся наступлении (гл. 13), обнаружением разреза провода уже совсем рядом с ними (гл. 14) и возникновением необъяснимых беззвучных пожаров вдали (гл. 16, 18).

В повести также отмечаются многократные, но тщетные попытки дивизиона связаться со штабом, намеренно отключившим связь, и отсутствие контакта в столь тревожных условиях еще усиливает ощущение уязвимости и обреченности. Тому же способствуют частые указания на ограниченную видимость при неровном лунном свете и снежной мути.

Хотя в общих чертах можно сказать, что указанные выше художественные стороны повести «Адлиг Швенкиттен» развивают картину, представленную в воспоминаниях (или дополняют ее), намного важнее обратить внимание на те весьма существенные части воспоминаний, которые не вошли в текст повести. Нет упоминания об освобождении четырех военнопленных французов и об их похоронном шествии по снежной целине с телом бойца, убитого при операции освобождения². Исключил Александр Исаевич и свои личные переживания во время опасного отхода непосредственно перед нападением немцев – исключил именно то, что он называет «главным ощущением» той ночи. Это было чувство «...своего пребывания на земле, а совсем не привязанности к ней, лёгкое тело, одолженное нам лишь временно, и осветлённая прогулка по

¹ В гл. 3 указано, что в описанное время темнело около шести часов вечера и светало «чуть не в девять утра». А в гл. 23 мы узнаем, что Гусев и Кандалинцев начали стрельбу из пушек в шесть утра и что военные действия на их участке длились три часа – до рассвета.

² См.: *Солженицын А.* Угодило зёрнышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1999. № 2. С. 122–123.

призрачным местам, куда нас заносит случай, а всякую минуту вот мы готовы и отлететь»¹.

Это чувство писатель ощутил вновь, когда бежал под гору по глубокому снегу, преследуемый пулеметным огнем: «...опять было то же ощущение: одолженного, временного, не обязательного тела, и острота чувств, которая не страх, но та нерядовая острота, когда глотаешь опасность – а в мыслях проносятся, проносятся картины прожитой жизни»².

Чем объяснить исключение такого ценного художественного материала из повести «Адлиг Швенкиттен»? Единственно тем, конечно, что материал этот не вписывался в символический замысел, положенный в основу произведения, – замысел, который без колебания можно отнести к извечной теме Солженицына – к горестному раздумью о судьбах России. Тема эта – неизмеримо грандиознее личной, и Солженицын явно жертвует ради этой высшей цели своими переживаниями, не желая отвлекать внимание от скорбного группового портрета. Драматический эпизод с французами опущен по той же причине: он отводил бы внимание в сторону от свершающейся трагедии.

Повесть «Адлиг Швенкиттен» трагична от начала и до конца. День начинается с вести о бессмысленной смерти ряда военнослужащих, отравившихся метиловым спиртом, и почти все дальнейшие события вращаются вокруг тяжелых ошибок руководства и его непростительного безразличия к судьбе подчиненных людей. Тут и вопиющая небрежность военных властей, допустивших разрыв фронта и приказавших дивизиону развернуться в необоронимом пространстве без прикрытия, и преступная бессовестность партийных деятелей, отрезавших контакт с находящимся в опасности дивизионом ради своего удобства и удовольствия, а затем убивших свидетеля, чьи показания могли открыть их поступок. А удручающий эпилог повествует о тупом безразличии к посмертной памяти погибших: боевая награда храброму майору Боеву, убитому при старании добросовестно исполнить заведомо невыполнимый приказ, не прислана его родственникам, а смертельно раненный майор Балуев вообще забыт: «провалился, как не был».

Эта безнадежно мрачная картина неминуемо противопоставляется бодрому духу, которым пропитана первая часть рассказа «Желябугские Выселки». Правда, в приподнятом настроении автобиографического героя рассказа был элемент идеологического самообмана, но тем не менее общий положительный тон рассказа – несомненно аутентичен. И по причине того, что и рассказ, и повесть говорят о том же дивизионе под командованием того же майора Боева, первую часть «Желябугских Высылок» позволительно рассматривать как своего рода *пролог* к повести «Адлиг Швенкиттен»³. И тогда как будто вступает в силу горькое заключение

¹ Солженицын А. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. С. 123.

² Там же. С. 124.

³ Предложено Александром Ванюковым. См.: Ванюков А. «Адлиг Швенкиттен» А. Солженицына: Концепция памяти и поэтика жанра // Между двумя юбилеями, 1998–2003: Альманах / сост. Н.А. Струве, В.А. Москвин. М: Русский путь, 2005. С. 501.

Юрия Кублановского о том, что повесть тушит все надежды. Она приводит, как пишет критик, к ощущению «обречённости лучшего – перед худшим. Чистое проигрывает нечистому, сильное проигрывает корыстному, крупное – мелкому, храброе – опасливому»¹.

И, казалось бы, этот безрадостный вывод становится окончательным приговором русской жизни во второй части рассказа «Желябугские Выселки». Здесь дан сокрушительный ответ на высказанные ранее надежды на послевоенное развитие страны. Ужасающие условия жизни жалких старух, явно покинутых властями в запущенной деревне, вызывают у самого автора горестные мысли: «Весь распорядок в стране надо чистить. А – кому? Таких людей – не видно. Давно не стало их в России. Давно»².

Мрачное заключение Юрия Кублановского как будто становится неминуемым. По мысли критика, в прежних произведениях Солженицына жизненные утраты как бы вознаграждались моральными или духовными приобретениями – «в жертвенности добра он видел его метафизическую победу»³. А в односуточной повести это качество, как считает Кублановский, отсутствует напрочь.

Позволим себе все же не согласиться с таким выводом. Начать с того, что повесть эта – не единственный пример таких обстоятельств в творчестве Солженицына. В самом известном его рассказе, «Матрёнин двор», героиня гибнет и из текста следует, что в деревне ее не уважали и не любили, так что нет основания думать, что ее смерть приведет к духовному возрождению ее соседей или родственников. Целительный процесс не относится к выжившим лицам рассказа – животрепещущий образ праведницы захватывает, просвещает и облагораживает нас, читателей. Матрёна «воскресает» в нашем воображении, и тем самым осуществляется та метафизическая победа добра, которую Кублановский справедливо считает отличительной чертой творчества Солженицына. Можно здесь вспомнить и Аристотеля, по учению которого трагедия, вызывая у зрителей сострадание к изображаемым несчастьям действующих лиц и страх за их судьбу, рождает сопереживание, тем самым очищая души зрителей, возвышая и воспитывая их.

То же самое происходит в односуточной повести. Кроме того, Солженицын указывает в самом начале текста, что произведение посвящается памяти майров Боева и Балуева. И как это было с Матрёной, перед нами возникают живые образы двух исключительно преданных своему делу офицеров, из которых Боев, конечно, представлен намного ярче Балуева. Боева мы помним еще по двучастному рассказу, где автобиографический повествователь говорит о необыкновенной чистоте сердца таких людей и где он произносит Боеву восторженный хвалебный тост⁴. Пусть писатель

¹ Кублановский Ю. Проза зримая, слышимая, обоняемая... // Между двумя юбилеями... С. 516.

² Солженицын А. Желябугские Выселки. С. 479.

³ Кублановский Ю. Проза зримая, слышимая, обоняемая... С. 516.

⁴ Солженицын А.И. Желябугские Выселки. С. 471, 470.

не говорит открытым текстом, как он сделал в случае Матрёны, что на таких людях весь мир держится, но все показатели – налицо.

Следует добавить еще один весьма существенный штрих. Во второй части двучастного рассказа – самой, вероятно, мрачной части этой диалогии – писатель вместе с бывшим подчиненным вспоминает давнюю январскую ночь у деревни Адлиг Швенкиттен:

« – Да, прусская ночь – была, – вспоминает Овсянников. – И какое же безлюдье мёртвое, откуда бы наступленью взяться? <...>

– Как мы из того Дитрихсдорфа ноги вытянули? Бог помог.

Овсянников – теперь уже с усмешкой:

– А от Адлига, через овраг, по снегу – бегом, кувырком...»¹

И тут, среди гнетущего разорения умирающей деревни, неожиданно звучат ноты совсем другой тональности. Не отменяя трагической сущности прошлого, память Солженицына останавливается на светлых моментах. В данном случае, на физическом спасении и – вспоминая это как бы со стороны – на почти комических обстоятельствах успешного бегства.

Как мне кажется, в этом проявляется некая фундаментальная склонность писателя. Он сам об этом высказывался в том же 1998 году, когда были написаны и рассказ «Желябугские Выселки» и повесть «Адлиг Швенкиттен». Цитирую из интервью А.И. Солженицына Дж. Пирсу: «Должен сказать вам, что по натуре я – неискоренимый оптимист. Я всегда был оптимистом. Даже когда умирал от рака, был оптимистом. Когда меня выслали за границу, никто не верил, что я вернусь, а я был уверен. Так что не все полно мрака и уныния. Всегда есть луч света»².

В односуточной повести «Адлиг Швенкиттен» луч света – Божья помощь и чистые сердцем боевые товарищи.

¹ Солженицын А.И. Желябугские Выселки. С. 479.

² Интервью А.И. Солженицына // Новое литературное обозрение. М., 2010. № 103. С. 215.